СЕРИЯ «НУЛЕВОЙ КОНТУР» · КНИГА ПЕРВАЯ

НУЛЕВОЙ КОНТУР

ИНЖЕНЕР БЕЗ ДАРА · МАГИЯ, КОТОРАЯ ЕСТЬ ТОК

СТАНИСЛАВ ПЕТРОВ

РОМАН · 16+

Станислав Петров

Нулевой контур

«Автор»
2026

Петров С.

Нулевой контур / С. Петров — «Автор», 2026

Кирилл Ветров, инженер-релейщик, погиб на подстанции — и очнулся в гробу.Он в чужом мире, в теле младшего сына разорившегося рода. Здесь магия — это не заклинания, а ток: её гонят по медным нитям, копят в камнях и продают по счётчику. Одарённые рождаются с даром и берут за свет втридорога. У Дарена дара нет ни капли: в Ортане таких называют нулевыми.Зато он знает то, чего не знает никто, — почему гаснет конец улицы, куда уходит искра и как из ветхой нити сделать сеть, которая осветит город.У него шесть недель до первого снега, четыре тысячи марок долга, соляной барон, уже скупивший половину уезда, и брат, готовый подписать всё, что дадут.Инженерия против магии. Расчёт против крови. Первая книга серии «Нулевой контур».

© Петров С., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Похороны 5
Конец ознакомительного фрагмента. 9

Станислав Петров
Нулевой контур

Похороны

Сначала был свет — синий, злой, как сварка в глаза.

Я успел подумать: «Дуга. Отойди», — и не успел отойти.

Помню всё по порядку, потому что релейщика так учили: сначала факт, потом страх. Факт первый: я стоял в ячейке Т-2 без перчаток, потому что перчатки остались в шкафу, а шкаф — за дверью, а дверь — за спиной, а за спиной была смена, которая шла восьмой час. Факт второй: щиток на панели показывал нагрузку, которой не должно было быть в шесть утра. Факт третий: пахло горелой шерстью, и это был не кабель. Это был я.

Дальше — тишина, и в тишине очень отчётливо: «Ветров, ты чего», — голос Саныча, и ещё: «Не лезь руками, мать твою...»

А потом не было ничего. Ни света, ни боли. Только счёт. Я всегда считаю, даже когда не надо. Я успел сосчитать до девяти.

##

Дальше была темнота, и в темноте было тесно.

Я лежал на спине, руки вдоль тела, и над лицом у меня было что-то твёрдое и близкое. Я дышал и слышал своё дыхание, и это было единственное, что я слышал. Воздух был тёплый, спёртый, с запахом лака и с чем-то ещё, тяжёлым, сырым, землистым.

Я поднял руку. Рука упёрлась в крышку.

Я подумал: «Не паникуй. Паника — это когда ты не знаешь, где рубильник». Я знал, где рубильник. Рубильник был я.

Воздуха хватало вдохов на десять, может, на двенадцать, если дышать ровно. Я стал дышать ровно и считать. Раз. Два. Три. По звуку — сосна, тонкая, на крышке натянута ткань. Значит, не колода, значит, экономят. Четыре. Пять. Надо мной — земля, и её немного, потому что звук глухой, но не мёртвый, и вода в неё уже ушла, значит, копали давно, а засыпали быстро. Шесть. Семь. Пальцы у меня были не мои: короткие, без кабельной мозоли, с сорванным ногтем на безымянном. Восемь.

Я упёрся в крышку ладонями и толкнул.

Она не поддалась. Я толкнул ещё раз, изо всех сил, так, что заскрипели зубы, — и рядом со мной, в двух пальцах от лица, что-то треснуло. Дерево. Хороший звук. Дерево — это не приговор, дерево — это материал.

Я бил туда, где треснуло. Грудью, плечом, локтем. Вдохов оставалось мало, и я перестал их считать, потому что счёт теперь был не в воздухе, а в ударах. На седьмом ударе крышка отскочила на ладонь, и в щель посыпалась земля — холодная, мокрая, с песком.

Я подставил рот и дышал через землю, как через фильтр, и это было унизительно и прекрасно.

Дальше я не помню точно, сколько полз. Помню, что копал руками, что ногти на двух пальцах остались в земле, что было темно так, что темнота казалась плотной, как вата, и что один раз я чуть не задохнулся, когда осыпался край. И помню, как вылез — на четвереньки, в траву, в дождь, и дождь был тёплый, осенний, и он шёл мне на спину, и я лежал и думал: «Живой. Надо же».

Потом я сел и посмотрел на свои руки.

Руки были худые. Не мои. У меня были руки человека, который двадцать лет таскает кабель и крутит гайки: широкие ладони, мозоли на подушечках, шрам от стружки на большом

пальце. Эти руки были мальчишеские, длинные, с тонкими запястьями, и на правой ладони была мозоль не от инструмента, а от чего-то круглого, гладкого, — от поводьев, что ли.

И ещё: на груди, под мокрой рубахой, горело.

Я расстегнул ворот. Кожа под ключицей была стянута в узор — тонкий, ветвистый, бурый, как старая акварель. Ожог. Не от огня — от искры: такие ожоги я видел у монтёров, которых «прошло» по касательной.

У мертвеца, которого хоронили в этой яме, ожога быть не могло.

##

Дождь шёл ровно, без ветра, и в его шуме кладбище было похоже на цех: те же ряды, та же тишина, те же люди, которых нет.

Я стоял босиком на чужой земле, в мокрой рубахе до колен, и в голове у меня было две головы.

В одной — Кирилл Ветров, тридцать четыре года, инженер-релейщик, разведён, кот, ипотека, наряд-допуск на шесть утра.

В другой — мальчишка, который знал, что за кладбищенской оградой будет дорога, а по дороге — три версты до реки, а за рекой — дом с двумя трубами, и что дом этот называется Заречье, и что там сейчас свет, потому что поминки.

Я не знал, откуда я это знаю. Я просто знал, как знал, что зовут меня Дарен.

Я проверил руками: карманов не было, документов не было, денег не было. В рубахе, на груди, под ожогом, висел на шнурке плоский камень — серый, с белой прожилкой, тёплый, как живой. Я сжал его в кулаке, и он отозвался: не звуком, а как будто где-то далеко включили и сразу выключили мотор.

Я пошёл.

Ноги вели сами, и это было неприятнее всего. Тело знало дорогу, тело помнило, где лужа, а где корень, тело шло уверенно, а я шёл в нём, как в чужой машине, и боялся нажать не ту педаль.

По дороге я попробовал вспомнить, как умер этот мальчишка, и не смог: в голове шли две ленты и не склеивались.

По одной — щиток, наряд, Саныч, синий свет.

По другой — река, лодка, вкус тины во рту и чей-то голос: «Дарен, не пей». Потом стало тепло. Потом на грудь легла рука — тяжёлая, сухая, с мозолями на пальцах, не женская. И от этой руки пошло горячо: не больно, а как когда хватаешь горячий чайник и ещё не понимаешь, что уже горишь.

Дальше — земля.

Я остановился и положил ладонь на ожог. Ожог был тёплый. Не болел, не жёг — просто тёплый, как остывающий утюг.

Значит, мальчишку убили. Тихо, аккуратно, без крови и без крика, и все решили: лихорадка, вода, осень, молодой. А потом положили в гроб и закопали, и никто не удивился, потому что так бывает.

Я не знал, кто его убил. Я знал только, что убийца, скорее всего, сидит сейчас в доме, где горит свет.

##

Свет я увидел издалека.

Он был не жёлтый и не белый, а какой-то ровный, зеленоватый, и он не дрожал. Мокрые окна светились изнутри, и в них ходили тени, и от дома шёл дым, и пахло не дымом, а едой: кашей, луком, чем-то мясным.

Я стоял у калитки и смотрел на этот свет, и во мне боролись два человека: инженер, который хотел немедленно узнать, чем и как оно горит, и мальчишка, который хотел домой.

Победил мальчишка. Инженер подождал в сенях.

В доме было тепло и тесно от людей. За длинным столом сидели человек двадцать: мужики в тёмных кафтанах, женщины в платках, старик у печи, — и все ели. Ели молча, как едят на поминках, когда надо чем-то занять руки. На столе стояли блины, стояла каша в чугунке, стояла бутыль, и в углу, под образами, горела плошка, а над столом висела на медной нити лампа, и лампа горела ровно, без огня.

Я вошёл, и половица скрипнула.

Разговоры не оборвались — они умерли. Все двадцать человек повернулись ко мне, и в наступившей тишине стало слышно, как в печи садится кирпич.

Я стоял в дверях: босой, в земле, в мокрой рубахе, с сорванными ногтями.

— Я не умер, — сказал я. Голос у меня оказался чужой, молодой и хриплый. — Продолжайте.

Первой засмеялась девчонка лет четырнадцати, сидевшая в конце стола. Она засмеялась и сразу закрыла рот рукой, и посмотрела на мать, и мать — седая женщина с бледным до синевы лицом — встала, держась за край стола, и села обратно, потому что ноги не держали.

— Дарен, — сказала она. Не спросила — сказала, как ставят точку.

А справа, у самого края стола, поднялся молодой мужчина в хорошем кафтане, и лицо у него было как бумага.

— Ты... — начал он. — Тебя же...

Он не договорил. Он смотрел не на меня, а на человека, сидевшего рядом с ним, — приземистого, в кожаном фартуке, с ложкой в руке. И человек в фартуке положил ложку, вытер рот и посмотрел на меня спокойно, как смотрят на счёт, который ещё не оплачен.

— Живой, — сказал он. — Бывает.

Он встал, вытер руки о фартук и пошёл к двери, и по дороге кивнул Ральфу — коротко, как кивают люди, у которых общее дело и разные доли. Ральф кивнул в ответ. Лицо у него было виноватое.

За столом опять застучали ложки, кто-то налил, кто-то вздохнул, и разговор пошёл — тихий, осторожный, о том, что бывает и что Бог дал.

Сесть мне никто не предложил.

##

Меня положили в комнате наверху, на узкой кровати, и это было унизительно, потому что я мог идти сам.

Женщина — леди Агнесса, мать, я уже знал, что мать, — села рядом и держала меня за руку, и рука у неё была сухая и горячая. Девчонка, Мирта, принесла воды и села в ногах, не сводя с меня глаз. Брат — Ральф — не пришёл.

Старик с лицом, как печёное яблоко, грел на печке тряпки и ворчал:

— Искра не любит гордых. Я говорил. Я всегда говорил.

— Кузьма, — сказала Агнесса, не оборачиваясь.

— А что Кузьма. Кузьма своё дело знает. — Он шмякнул тряпку в таз. — Мёртвого закопали, живого обмыли. Порядок.

Я лежал и смотрел в потолок.

Потолок был деревянный, с балкой, и по балке шла медная нить — тонкая, в холщовой оплётке, прибитая скобами. От скобы к скобе, от стены к стене, к лампе, которая горела без огня.

Я смотрел на неё и слушал.

Гул был. Он был тихий, на границе слышимого, как гул трансформатора за стеной в ночную смену: ровный, плотный, без перерывов. И лампа мигала — не от ветра, не от сквозняка, — она мигала в такт.

Я поднял руку и приложил два пальца к балке, к самой нити.

Меня не ударило. По пальцам прошла дрожь, мелкая, частая, и я вдруг понял, что улыбаюсь — впервые за этот день, — потому что это была не магия. Это была частота. Ровная, как метроном, и она шла по меди, и она куда-то девалась в конце, потому что нить была тонка, а дом — длинный.

— Что ты делаешь, — сказала Мирта.

— Слушаю, — сказал я.

— Что ты слушаешь?

Я не ответил. Я смотрел на лампу так, как смотрят на прибор, у которого сбилась стрелка.

Лампа была простая: медный диск, к диску припаян рожок, в рожке — стеклянный шар с кулак. В шаре не было ни фитиля, ни огня. На дне лежал плоский камень, серый, как тот, что висел у меня на шее, только чище и темнее. От камня к диску шла проволочка, и в том месте, где она входила в медь, темнело пятно горелой оплётки.

Я нашёл глазами всю цепь: от лампы — по балке — скобами — к стене — вниз, за обои, к двери.

Нить была тонкая. Тоньше моего мизинца, тоньше, чем надо. В трёх местах она была сращена — видно по неровной скрутке и по тому, как набухла оплётка. Кто-то чинил её кусками, и чинил наспех, и, судя по пятнам, чинил давно.

Я посчитал мигания по пульсу. На десять ударов сердца — три мигания. Пульс у мальчишки был частый, я сбивался, но выходило, что свет в этой комнате дышит примерно каждые девять-десять секунд, и дышал он так же, как гудела балка, и провал в мигании всегда приходился на один и тот же миг.

Это не была неисправность лампы. Это была просадка в сети, и она шла откуда-то издалека, с конца нити.

— Тебя похоронили утром, — сказала вдруг Мирта. — Ты был холодный. Я трогала.

— Знаю, — сказал я.

— Ты не можешь знать. Ты был мёртвый.

— Значит, я плохо был мёртвый.

Она посмотрела на меня с ужасом и с восторгом, как смотрят дети на фокусника, которого подозревают в обмане.

Агнесса не сказала ничего. Она только сняла руку с моей и сложила её на коленях, и я увидел, что пальцы у неё дрожат.

Я не успел ответить. За дверью, на лестнице, скрипнула ступенька, потом вторая, и кто-то остановился у нашей двери — так близко, что я слышал дыхание.

Потом — тихо, вполголоса, но в деревянном доме слышно всё:

— Он живой. Значит, придётся ещё раз.

И шаги пошли вниз.

Мирта побледнела. Агнесса не пошевелилась, только пальцы у неё на моей руке стали как проволока.

А я лежал и считал: сколько ступенек донизу, сколько шагов до двери, сколько людей в доме, и сколько из них на моей стороне.

Получалось мало. Но получалось не ноль.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.